Александр ПРОХАНОВ

ГЛУБИННЫЙ СТАЛИН

Выступление в Александринском театре (г. Санкт-Петербург)

В ПУЧИНАХ РУССКОЙ ИСТОРИИ живёт таинственная глубоководная рыба, имя которой — Сталин. В разные периоды русской истории эта рыба всплывает на поверхность и освещает своей флюоресценцией огромные периоды нашей жизни. Достоевский утверждал: "Душа русского человека — христианка". Да, душа русского человека христианка, но народ — сталинист. И эта теодицея — присутствие глубинного, донного, потаённого, сокровенного Сталина в русской истории — является загадкой и не поддаётся рациональному осмыслению. Это предмет откровений, которые даются людям с мистическим опытом, потому что "умом Россию не понять, аршином общим не измерить". В Россию можно только верить. Можно изумляться ей, можно её ненавидеть, но в неё можно только верить как в огромную космическую данность, в которую всех нас поместили: от нашего рождения и до смерти.

В русской истории действует загадочная синусоида, по которой развивается государство российское. На протяжении всей русской истории было пять империй. Это условная формулировка, и многие историки "классического представления" будут возражать такой моей кодификации и классификации русской истории. Но я убеждён, что все пять периодов русской истории носят имперский характер. И в каждой империи присутствует свой Сталин. Империя и вообще Россия развивается рывками. Развивается конвульсивно, через "исторические инфаркты". И в каждом из этих периодов-рывков присутствует, может быть, условно, а может быть, и не условно — через реинкарнацию одного и того же демиурга — Сталин.

Первая империя, Киево-Новгородская, начиналась ещё в языческие времена. Она охватывала огромные пространства: от Балтики до Чёрного моря, от Карпат до Урала. В этой империи жили славянские племена, жили угры, финны, варяги, которые двигались с севера "в греки", жили греки, которые двигались с юга на север к варягам, в ней жили хазарские евреи, жили представители Великой степи. И всё это множество пространств, народов, устремлений, верований, языков было организовано имперской силой. Силу эту, огромный имперский интеграл придал пространствам и народам Владимир Святой в Херсонесе. Приняв христианство, он наполнил империю, её пространства небесным, духовным смыслом — учением о Царствии небесном. Владимир был первым Сталиным. Он сдвинул государство Российское с язычества в сторону христианства, полыхнувшего из Херсонеса вплоть до Тихого океана.

Большой стиль этого первого Сталина, Большой стиль Владимира Святого — это прежде всего Херсонес. Христианство в лице греческих проповедников явилось в Херсонес и выбрало Владимира. Не он выбрал среди всех религий, перебирая верования, как на лотке перебирают товары, христианство… Нет! Православие выбрало его, вселилось в него, как таинственная русская мечта, и создало гигантский имперский стиль — стиль первой русской империи. Перун, опрокинутый в киевские воды, плыл, обращая к небу своё раскрашенное многоцветное лицо, а по берегам рыдали язычники, провожая своё божество. Волхвы воспротивились явившемуся чужому Богу — Христу, и подняли восстание. Владимир жестоко подавил это восстание. По Шексне и Волге плыли плоты, и на этих плотах торчали воздетые на кольях головы волхвов, язычников.

Большой стиль — это София Киевская и София Новгородская — два великолепных храма с их чудодейственными неповторимыми фресками, золотыми мозаиками. Большой стиль, конечно, это и Русская Правда, и вся симфония явлений, текстов, свершений, побед, катастроф.

Но всё это кончилось, исчезло под копытами татарской конницы, которая положила конец первой империи. После краха Киево-Новгородской Руси остались только огрызки, осколки, которые жадно стремились подобрать соседние цивилизации. Свет первого Сталина погас и померк так, что не должен был возродиться.

Но произошло чудо. Из разверзшихся, чёрных для русского государства глубин, где русская мечта только слабо мерцала и флюоресцировала, поднялась эта глубоководная рыба, и возникла вторая империя — Московское царство. В недрах второй империи появился свой Сталин — Иван Васильевич Грозный. Иван Грозный свинтил распадающиеся русские окраины и создал могучее государство. Его дизайн, его Большой стиль — это, конечно же, покорение Казани, написание иконы Казанской Божьей Матери. Это приручение, покорение Астраханского царства. Это Александровская слобода, куда царь ушёл, разгневанный на свой народ, на подданных. Там он создал вторую столицу. В Александровской слободе, в Александрове вершились казни, допросы, шли пиры, оргии. Там возник таинственный Орден Ивана Васильевича Грозного.

Конечно, дизайном и Большим стилем — ужасным Большим стилем Грозного — явилось разорение Пскова и Новгорода, Твери. Плахи были воздвигнуты на всех русских перекрёстках.

Но его величие, его светоносная загадочная грозная сила пребывает в сегодняшней России. Мы живём в пору, когда Грозный и его образ прорастает сквозь тернии последующих поколений, последующих представлений о нём.

Царство Грозного, царство второго Сталина рухнуло в Смутное время. И опять рухнуло так, что невозможно было представить само существование России. В Кремле сидел супостат, по дорогам скакала хазарская бандитская конница, шумели восстания, грабились храмы… Казалось, Государство Российское кончилось. Поднималась Речь Посполитая, поднимались могучие европейские страны и цивилизации.

Но вновь поверхность русского Чёрного моря начала светиться, и из таинственных зелёных вод всплыл третий Сталин, имя которому — Пётр I. Пётр совершил такой рывок, такой толчок, создал такую динамику русской жизни, русского движения, которые мы чувствуем и по сей день.

Большой стиль Петра — это, прежде всего, две великих победы: под Полтавой и под Нарвой. Это Петербург с золотым шпилем Петропавловской крепости. Утро стрелецкой казни, когда хрустели позвоночники у мятежных стрельцов, до этого измученных на дыбах. Это и создание русского флота, и создание всего того, что было после Петра. Ведь в петровский дизайн, в Большой стиль Петра входит и Пушкин. Он обожал Петра и создал петровскую симфонию, петровский образ гигантского, могучего, жёсткого и жестокого императора, который создавал царство. Но над этим царством, по мысли Пушкина, должна была воссиять "звезда пленительного счастья": это царство должно быть благим. Оно должно отрешиться от чудовищного насилия, от рёва пушек, от "сиянья шапок этих медных, насквозь простреленных в бою". Петровский дизайн, или петровский Большой стиль, дошёл до XX века: вплоть до 1917 года Россия жила петровским рывком. Ведь вслед за Пушкиным Пастернак сказал о Петербурге:

Как в пулю сажают вторую пулю
Или бьют на пари по свечке,
Так этот раскат берегов и улиц
Петром разряжен без осечки.

Но и петровская империя, и петровский стиль, где были Золотой век, Серебряный век русской поэзии, великие оперы — всё это в два дня кануло на станции Дно, когда произошло отречение царя. Русская империя канула… А через год она ушла в Ганину яму на Урале. Туда, в эту зловещую, страшную щель, ушло всё: и победы, и флот, и пушкинские стихи, и романсы, и божественные русские предчувствия, и Николай Фёдоров… Казалось, что они ушли бесследно, потому что уход этот сопровождался чудовищной бойней. Россия лязгала топорами, вгоняя их в спины своим детям, своим отцам. Гражданская война испепеляла все смыслы и ценности, с которыми враждующие стороны, белые и красные, вступали в схватку. И в этой кровище, в этой бойне, в этом до небес взрыве ненависти исчезало всё разумное и осмысленное.

Тогда возник четвёртый Сталин — собственно Сталин. Иосиф Сталин своей дланью выволок за волосы из хлюпающей, кровавой бойни русскую цивилизацию, жёстко и жестоко поставил её на ноги. Четвёртый Сталин — это центр четвёртой сталинской красной империи. Её Большой стиль, стиль "Сталин" — это стиль необозримых строек, которыми закипела страна от океана до пустыни, от Карпат до Тихого океана. Гремели отбойные молотки, вспыхивали сварки — вся страна превратилась в грандиозную стройплощадку. Возникали заводы, создавались новые технологии, выпускались новые самолёты, танки. В предчувствии близкой войны строилась новая военная красная сталинская цивилизация.

Конечно, Большой стиль Сталина — это и коллективизация, когда на дыбы было поднято вековечное русское крестьянство, оно было оторвано от земли. Его "перепахали", в него внесли абсолютно новый элемент силы — это террор, связанный с раскулачиванием. По всей земле появились многочисленные колхозы, которые мучились, корчились, но потом создали урожаи для будущей войны и урожаи времён войны. И страна выжила, хотя потеряла во время Великой Отечественной самые плодородные земли — Украины и Кубани.

Среди пятилеток, среди грохочущих строек Большим стилем Сталина были и грозные политические процессы, за которыми следовали расстрелы и расстрельные рвы. Он предложил, навязал России дьявольскую технологию страха, которая в итоге превратила Россию в мобилизованный отряд, где действовали инструментарии страха и повиновения. Но и инструментарии героизма! Сталин создал в своём Большом стиле две технологии: технологию страха, ужаса, повиновения и технологию героизма. Он создал технологии, которые создавали из Советского Союза страну мечтателей и страну героев.

В сталинский дизайн входят война и Победа. Это целая мистерия — мистерия войны. И каждая из грандиозных схваток в этой войне является своеобразной иконой — окровавленной, мироточащей. Битва за Москву, Сталинградская битва, Курская дуга, "десять сталинских ударов". Если смотреть сверху, то вся земля была покрыта красными кровоточащими стрелами ударов. Я слышал один апокриф, который говорит о том, что во время "десяти сталинских ударов" на небе появилось десять Млечных Путей. Вот как мистики воспринимали эту войну!

И, конечно, Победа. А после Победы — Потсдам. До этого — Ялта, Тегеран. Это всё — части Большого стиля Сталина.

Этот стиль выходит далеко за рамки наших советских архитекторов, таких как Жолтовский, братья Веснины, Гельфрейх. Выходит за рамки живописи таких мастеров, как Иогансон. За пределы музыки великого Шостаковича. Этот стиль связан с огромным ожогом, который был нанесён всему человечеству, всему миру. И сталинский дизайн, сталинский Большой стиль в итоге покрасил две трети земного шара в красный цвет.

А ещё — ядерная бомба, которую Россия взорвала после американцев с опозданием на четыре года, ракетный взлёт сталинской цивилизации, Гагарин, который вышел в космос… Гагарин — не хрущёвский сын, он — сталинский сокол. Гагарин был задуман и сотворён сталинской цивилизацией. Он был Александром Матросовым, который не погиб в 1943 году, а выжил, прошёл войну и потом улетел в космос.

НО И СТАЛИНСКИЙ Большой стиль тоже пал, рухнул в 1991 году. И вся Красная империя с великим сталинским стилем превратилась в прах, труху. Опять в России разверзлась бездна. Опять поверхность российской истории стала бесцветной и мрачной.

Но потом вновь что-то замерцало в этой воде. Опять стала всплывать рыбина. Эту рыбину обнаружили, может быть, с опозданием. Одни изумились, восхитились ею, другие ужаснулись, стали её проклинать, бить гарпуном. Но она возникла!

Я не говорю, что Путин — Сталин. Он не стал Сталиным. Но у него есть время им стать. В Путине есть все черты этого сталинского всплытия, сталинского выхода из потаённой, из донной, глубинной русской исторической среды. И уже можно говорить о стиле "Путин".

Его Большой стиль складывается из таких явлений, как, прежде всего, возвращение Крыма. Это огромный, мощный дизайн, действие которого мы видим по сей день. Это Крымский мост — изысканное инженерное, а может быть, даже культовое, сооружение, которое соединяет Россию с Крымом и идёт куда-то дальше, это путь, по которому движется русская мечта.

Путинский Большой стиль — это Гергиев, который дирижирует сначала на развалинах дымящегося Цхинвала, а потом на развалинах Пальмиры в окружении русских военных, лётчиков, что внимают этому стилю. Стиль "Путин" — это грандиозные парады на Красной площади в дни Победы. Они напоминают религиозные мистерии. Недаром Шойгу, когда выезжает на площадь из Спасских ворот, осеняет себя крестным знамением, как будто входит в храм или монастырь. А "Бессмертный полк"? Это явление абсолютно мистическое и таинственное, потому что "Бессмертный полк" почти полностью воспроизводит пасхальный крестный ход, когда живые чают воскрешения мертвых, несут в своих руках изображения героев и мучеников минувшей войны и желают их воскресить, не дать им умереть, погрузиться в пучину забвения. Но в какой-то момент пасхальный крестный ход переживает странную трансформацию. Возникает ощущение, что те, чьи фотографии несут над головами, они берут на руки несущих их. И несут нас, ныне живущих, не дают нам погибнуть, не дают почить. Всё это — путинский стиль.

СТАЛИНСКИЙ БОЛЬШОЙ СТИЛЬ изучают искусствоведы, эстетики. Конечно, Иосиф Сталин жил не только землёй, не только геополитикой, геостратегией, военными столкновениями. Он ощущал, что над ним — небо, и чувствовал свою связь с небесами. Не только потому, что окончил семинарию. Здесь было нечто другое — та сила, которая нахлынула на Россию и перевернула её всю. Это была планетарная сила, о которой говорил Вернадский. Сила, когда человеческое становится геологическим, человек становится частью геологической трансформации Земли. И Сталин был носителем этой силы. Не он её создавал — она в него вместилась и формировала его деяния. Делала его тем, кем он стал и кем присутствует сегодня в нашем расколотом сознании.

Для одних он — чудовищный демиург, воплощение зла и бесчинства. Для других — великий строитель, мистический спаситель России. Сталин чувствовал небо: человек, который "своевал" такую войну, не может его не чувствовать. Сегодня Победа празднуется нашей церковью как религиозный праздник. И Победа, которая была одержана в 1945 году, — это не только победа военная, идеологическая, геостратегическая, это не только победа, которая изменила конфигурацию мира, передвинула континенты, сместила материки, произвела трансформацию меридианов и параллелей, как в своё время сделал старец Филофей, создав теорию "Москва — Третий Рим", или мистический патриарх Никон, который перенёс под Москву Иерусалим и изменил всю конфигурацию планетарной сетки координат. Эта война и Победа — победа высших райских смыслов над смыслами ада. Ад пришёл в мир, пришёл в Россию. Демоны группы "Центр" двигались на Россию с абсолютной убеждённостью, что она будет разрушена, побеждена и опрокинута.

Тогда схватка германского фашизма и Советов превратилась в схватку демонических сил с силами райскими. И райские силы одолели демонов. Советский Союз отдал на это одоление тридцать миллионов своих лучших сынов, которые, если их осмыслять религиозно, богословски, являются святомучениками. Потому что Священная война кончилась священной Победой. Этот отблеск святости лежит на всех, кто участвовал в этой войне, в этой Победе — на всех, кто сражался на фронте и лёг костьми, и кто стоял в тылу у станков. И на тех блокадниках, которые умирали и слушали Ольгу Берггольц в последние минуты своей жизни. Эта война — Священная. Святость легла на всех. Легла на солдат, на офицеров, легла на отделения, на взводы, на роты, легла на батальоны, на корпуса, на дивизии, на фронты. Она, конечно, легла на генералиссимуса. Меня упрекают в том, что я способствовал написанию иконы Сталина, которая вызвала массу нареканий. Но это икона не Сталина. На иконе изображена Державная Богоматерь, покровительница России. Под образом Богоматери — великие маршалы Победы, и среди них — генералиссимус.

Ощущение войны как мистического одоления ада раем осталось в народе, оно выражается некоторыми священниками, духовидцами, но в целом оно не сформулировано, а живёт как ощущение, как предчувствие, как некая данность.

Конечно, в стиль "Сталин" входят построенные после войны восхитительные города, которые выглядят, как музеи. Например, Минск — непередаваемой красоты город, который возник на руинах. Или Киев с его потрясающим мистическим центром — Крещатиком. Это, конечно, имперские города, напоминающие Парфенон или храм Афродиты.

Эти города сталинского дизайна надо отнести к феноменологии труда, который был сформулирован красными историософами, сталинистами как вершина красной эры. То была безбожная пора, которая отвергла Господа. Но на место Господа был поставлен труд: "Владыкой мира станет труд". Труд, по мнению большевиков, должен был преобразить землю и превратить её в Царствие небесное на земле. Труд проходит через всю философию сталинского века, через его технологии. Воплощением этих технологий и воплощением этой историософии является памятник "Рабочий и колхозница" Веры Мухиной. Когда я проезжаю мимо этого памятника, то с его приближением чувствую появление серебряного зарева, сияния. Из этого сияния возникают две фигуры — мужчины и женщины, которые летят, как ангелы, богоподобные существа. И я нашёл трактовку этого памятника — то, что вложила в памятник великая Мухина, как она истолковала труд. Ведь Адам и Ева были изгнаны из рая за свершение первородного греха. И Господь напутствовал их словами: "Идите, трудитесь, в поте лица своего добывайте хлеб свой, плодитесь и размножайтесь". То есть труд был дан, с одной стороны как кара, как возмездие согрешившим людям. А с другой стороны — как инструмент их спасения. Господь вменил им труд. И сама категория труда — божественна. Мы, осмысливая труд, понимаем, что это не просто способ заколачивания гвоздей в доску. Это выполнение мессианского предназначения человечества. Человечество было, может, задумано природой, создано Господом для того, чтобы трудилось, трудилось и трудилось… И результатом этого труда должно быть преображение не только Земли, но и Вселенной. С помощью труда мы должны штопать "чёрные дыры" Вселенной и воскрешать погасшие звёзды. "Рабочий и колхозница" — это Адам и Ева, которые возвращаются в Царствие небесное. Они держат в руках орудия своего труда, показывают Господу, чем трудились. Они совершили великий труд во всей своей земной истории. И взлетают в небеса. Это сталинская красная мифология, где труд становится крыльями, которые возносят ещё вчера падшее, ветхое человечество в райские кущи, о которых задумывались большевики.

Сталин повелел в городах, разрушенных во время войны, строить обсерватории и планетарии. Он хотел, чтобы советские люди, которые пять лет смотрели только в землю: рыли окопы, траншеи, рыли могилы, глядели под ноги, ища былинку, которую можно было сорвать и съесть во время голода, — чтобы они подняли глаза и увидели звёздное небо. "Звёздное небо над нами и нравственный закон внутри нас". Ещё одним повелением Сталина было — сажать сады по всем городам. Это была его идея о райских садах. Когда ещё могилы не осели, когда ещё торчали печные трубы сожжённых деревень, он велел сажать сады.

Сталинский дизайн, сталинский Большой стиль — это не только пластика, не только образы. Это таинственное явление, которое живёт и теперь, когда Сталина давно уже нет. Как объяснить неистребимость Сталина? Ведь десталинизация на протяжении всей нашей последней истории проводилась много раз. И проводилась не скальпелем, не изящно, её проводило государство всей своей мощью.

Первым десталинизатором был Хрущёв. Огромная махина государства была направлена на образ Сталина. Его убрали из Мавзолея, его имя стиралось из истории, памятники были сброшены. Тогда, при Хрущёве, возник образ сатанинского правителя. И затем столько раз его вымарывали, стирали, вышвыривали из русского исторического контекста… А он являлся. Это загадка, почему? На него не работали пропагандистские машины ни советского, ни нынешнего государства. Он являлся сам. Как является фреска, которую записывают поздними записями. Её замуровывают или кладут слои извести, а она медленно, мучительно и неуклонно проступает.

Что это — возникновение Сталина? Что такое — постоянное всплытие этой таинственной донной рыбы? Постоянное воспроизведение и типа государства, и типа общества, и типа лидера. И сегодня мы пребываем в этом состоянии. Сталин возвращается, вокруг имени Сталина ведётся острая и беспощадная полемика в либеральной среде, в патриотической, православной среде. Вокруг него движутся целые вихри.

Спектакль Валерия Фокина о Сталине, поставленный в Александринском театре по существу — антисталинский спектакль. И этот спектакль, как и многие другие формулы, исходящие из антисталинизма, есть не что иное, как продолжение прокладывания пути Сталина. Мы хотим его уничтожить, отпихнуть, а он благодарит нас за то, что мы таким образом мостим ему дорогу. И он двигается, поскрипывание его сапог слышится уже повсюду.

Многие сталинисты стремятся поставить памятник Сталину: вот во дворе бюст, в коммунистическом офисе, в штабе… Это вызывает во мне чувство разочарования. Даже не потому, что эти бюсты не сравнить с гигантскими скульптурами Сталина на Волго-Донском канале или в Цимлянске. Но сегодня воплотить образ Сталина традиционными формами скульптуры, живописи или музыки невозможно. Мне кажется, что Сталин, его сегодняшнее воплощение, его сущность поддаётся интерпретации с помощью каких-то квантовых представлений о сущностях, о динамике. Сталин — это скорость света. И пусть найдётся скульптор, который изобразит скорость света. Пусть найдётся скульптор с квантовым мышлением и откажется от создания монументов — истуканов из камня или бронзы. Наша монументальная пропаганда грешит обилием таких памятников. То у нас Столыпин стоит, как столп, то императоры Александр II, Александр III… Это всё — эстетические рудименты. Пусть найдётся художник нового стиля — стиля "Сталин" или стиля "Путин" и осмыслит новую эстетику сегодняшнего мира, который меняет кожу и требует новых великих идей и представлений. И одна из этих новых, вечно старых идей — это идея, связанная с русской мечтой. Русская мечта — как глубинная таинственная, живущая в русской истории сила, ведущая народ через все пропасти, катастрофы, через все поражения, через победы, через все откровения. Русская мечта — в каждом из нас: и в левом человеке, и в правом, и в сталинисте, и в антисталинисте. Потому что она, русская мечта, и создаёт нас как народ. Есть мечта, и мы — народ. Исчезла мечта, и мы — не народ, мы — население: мы рассыпаемся, как горсть, как пепел. Сколько народов исчезло потому, что они потеряли мечту! "Я — время, сметающее народы", — говорит Священное Писание.

Я сказал вещи спорные. И по вашим прекрасным лицам вижу, что они создают разный орнамент впечатлений и переживаний. И мне было важно вас увидеть…